

Александр Никитич Севастьянов –

кандидат филологических наук, член Союза писателей, Союза журналистов России, Ассоциации искусствоведов, академик Петровской академии наук и искусств, член редакционного совета журнала «Вопросы национализма», автор многих книг, среди них: «Национал-капитализм», «Национал-демократия», «Итоги XX века для России», «Русская идея, век XXI», «Время быть русским!», «Россия – для русских!», «Этнос и нация», «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса», «Победу не отнять! Против власовцев и гитлеровцев», «Уклоны, загибы и задвижки в русском движении», «Битва цивилизаций: секрет победы», «Основы этнополитики»

Как нам обустроить культуру

Записки воображаемого министра культуры России

Великий зачин

На днях я имел удовольствие прочитать «Основы государственной культурной политики», представленные в администрацию президента от лица заместителя министра культуры Владимира Аристархова. Поскольку ранее Аристархов никогда ничем подобным не занимался, я предположил, что документ есть выражение консолидированной позиции всего ведомства и его министра – Владимира Мединского – в первую очередь.

Документ поразил меня практически полным совпадением с моей собственной позицией – как в расстановке приоритетов, так и концептуально в целом. Кажется, впервые в жизни я оказался до такой степени солидарен с правительственной точкой зрения – обычно дистанцируясь от

нее и находясь скорее в оппозиции. Скажу честно: я окрылен.

Нетрудно сообразить, какая ожесточенная борьба тут же развернулась вокруг данного документа как в СМИ, так и в кулуарах власти. Ведь впервые после 1991 года он обозначает на редкость ясные и твердо указанные политические ориентиры. Неслучайно первый же критический вопль (исторгшийся из недр Института философии РАН – философов к разработке документа пригласить забыли, и они свирепо напомнили об этом) – это обвинение проекта в «неконституционности». Поскольку-де он «содержит претензию на общеобязательную идеологию».

Ну и слава богу, замечу на это я, ибо сколько же можно нашему обществу жить, не имея жизненной стратегии?! Такое безмысленное суще-

ствование было навязано нам как побежденным, потерпевшим поражение в холодной войне, с ним пора решительно покончить. Лишь бы стратегические ориентиры новой России были адекватными, соответствовали историческому моменту и нашим истинным потребностям. А с этим в проекте, на мой взгляд, все обстоит отлично. Перечислю (своими словами) вкратце основные приоритеты нового российского культурного концепта, которые наверняка вызовут самый жесткий отпор в той части нашего образованного общества, которая, перефразируя Гёте, «вечно хочет блага и вечно совершает зло».

Итак, излагаю, цитирую и комментирую.

Первое. Культура авторами проекта понимается как «исторически сложившаяся система ценностей и норм поведения, закреплённая в материальном и нематериальном культурном и историческом наследии».

Второе. «Именно культура в вышеприведенном понимании этого термина является объединяющей основой российского общества. Представление о системе ценностей может быть также выражено через понятие «единый культурно-цивилизационный код»».

Третье. «Национальным «культурным кодом» является «система самобытных, доминирующих в обществе ценностей, смыслов и взглядов (знания, умения, навыки, интеллектуальное, нравственное и эстетическое развитие, мировоззрение, формы общения, духовное просвещение), сформировавшаяся в процессе исторического цивилизационного развития, принимаемая как общепринятая норма для самоидентификации людей независимо от их этнической принадлежности и передаваем-

мая из поколения в поколение через воспитание, образование и обучение»».

Четвертое. Соответственно одним из приоритетов является «формирование у граждан Российской Федерации «мировоззрения, общественного сознания, поведенческих норм, скрепляющих нацию»». Всё это слова хорошие, правильные, но немного неконкретные. Хочется уточнить: что же это за «объединяющая основа», в чем состоит наш «единый культурно-цивилизационный код», чьи именно ценности и нормы, смыслы и взгляды будут поставлены во

Министр культуры РФ Владимир Мединский

«Основы государственной культурной политики», представленные в администрацию президента от лица заместителя министра культуры Владимира Аристархова, поразили меня практически полным совпадением с моей собственной позицией – как в расстановке приоритетов, так и концептуально в целом. Кажется, впервые в жизни я оказался до такой степени солидарен с правительственной точкой зрения – обычно дистанцируюсь от нее и находясь скорее в оппозиции. Скажу честно: я окрылен.

главу угла? На чем станем общество скреплять, на каких именно, на чьих скрепах? Ответы на все эти вопросы также содержатся в документе Министерства культуры.

Первое. «При проведении ответственной государственной культурной политики следует поощрять и развивать только те культурные направления и «локальные культурные среды», которые соответствуют принятой в данном государстве системе ценностей». Справедливо!

Второе. Авторы документа прокламируют «отказ от той точки зрения, которая характерна преимущественно для «либерально-западнического» направления в науке и которая постулирует единство пути развития всех рас, наций и прочих социальных организмов. Представители данного течения, как правило, рассматривают «западный» путь развития как идеаль-

ный, а все иные – как отклонения от единственно правильного пути». Опять-таки справедливо!

Третье. «Россия должна рассматриваться как уникальная и самобытная цивилизация, не сводимая ни к «Западу» («Европе»), ни к «Востоку». Краткой формулировкой данной позиции является тезис: «Россия не Европа», – подтверждаемый всей историей страны и народа, а также многочисленными культурно-цивилизационными различиями между представителями русской (российской) культуры и иных общностей». И это тоже справедливо!

Всей своей многолетней практикой как филолог, искусствовед и коллекционер я готов свидетельствовать в пользу сказанного, голову готов за то отдать на отсечение. Да, Россия не Европа. Но все же хочется еще конкретнее: на чем будем сращивать наше един-

«Россия должна рассматриваться как уникальная и самобытная цивилизация, не сводимая ни к “Западу” (“Европе”), ни к “Востоку”. Краткой формулировкой данной позиции является тезис: “Россия не Европа”». Хватит с нас чужеродных вариантов «России на экспорт» а-ля Константин Эрнст – вроде того, каким порадовали публику организаторы сочинской Олимпиады, когда все художественное достояние России оказалось сосредоточенным в трех одиозных именах: Малевич, Кандинский, Шагал.

ство, на чем воспитывать поколения?

А вот на чем: «Представляется необходимым при разработке основ государственной культурной политики основываться на принципе преемственности. Имеется в виду восприятие российской истории как непрерывного процесса – от Российской империи через СССР к современной Российской Федерации. Цивилизационное ядро русской (российской) культуры с присущими ей ценностями остается неизменным на протяжении всего этого периода. <...> Место и авторитет российского государства в мире определяется не только его политическим весом и экономическими ресурсами, но и великой русской культурой,

ее духовным, интеллектуальным и инновационным потенциалом».

Ну вот, собственно, всё самое главное и сказано.

На этом месте позволю себе прервать изложение документа и напомнить читателям, что в январе 2004 года на учредительной конференции Русского национально-освободительного движения (РНОД) был принят документ под названием «Программа-максимум и Программа-минимум РНОД». Пункт 6 Программы-минимум гласил: «Сохранение и укрепление этнического единства русского народа и всех исторических и культурно-языковых факторов, способствующих этому». В докладе, подготовленном на основе этого доку-

мента председателем Союза писателей России Валерием Ганичевым для Общественной палаты, данный пункт расшифровывался так:

«Среди вызовов и угроз, адресованных русскому народу, не на последнем месте стоит размывание его этнических границ, разрушение его генотипической и культурно-исторической целостности. Речь тут должна идти не только об опасности обвальная иммиграции, которая уже сейчас должна характеризоваться как нашествие, вторжение или оккупация. Эта опасность может быть названа внешней, она направлена на растворение русских среди массы пришельцев. Однако имеется еще и не менее страшная опасность разложения нашего этноса изнутри.

В чем суть этой опасности? Об этом лучше всего говорит современная судьба недавно еще триединого русского этноса, состоявшего, как учила академическая наука, из трех суб-этносов: великороссов, малороссов и белорусов. Сто лет целенаправленной пропаган-

ды, “промывки мозгов” мало-российского субэтнуса привели к его полному отрыву на данном этапе от братских русских народов-субэтносов: великороссов и белорусов. <...> Но что хуже всего, в самой России антирусскими и анти-российскими силами продолжается та же разрушительная деятельность. Только на этот раз от нас, русских, пытаются оторвать такие неотъемлемые части нашего народа, как казачество, поморы, семейские и старожилы и другие подгруппы, субэтносы единого русского этноса. Этим субэтносам тоже сегодня внушается: вы-де — не русские, вы — отдельные народы со своей историей и культурой. Цель этой пропаганды ясна: поманив различными соблазнами, типа тех, что изложены в ратифицированной Россией международной Конвенции о защите прав национальных меньшинств, выманить из состава русских его значительные и во многом авангардные слои, а тем самым — ослабить русский народ как таковой. К сожалению, невыносимо горький украинский опыт мало учит нас уму-разуму. Значительная часть казачества и поморов уже повелась на эту дешевую пропаганду, лелея в своей среде сепаратистские тенденции, подогреваемые вполне обоснованными обидами на центральную власть и совершенно необоснованными надеждами на ее особое благоволение. <...> Отсюда вытекает необходимость принятия государственной программы укрепления этнического единства русского народа и всех исторических и культурно-языковых факторов, способствующих этому».

Итак, констатирую: проект Министерства культуры исходит из совершенно верного понимания проблемы.

Особо следует поддержать авторов в их стремлении защитить наше национально-культурное единство от наиболее разрушительных атак современности: «Представляется целесообразным включить в разрабатываемый документ тезис об отказе от принципов мультикультурализма и толерантности. Сохранение единого культурного кода требует отказа от государственной поддержки культурных проектов, навязывающих чуждые обществу ценностные нормы». Bravo! И даже добавить нечего.

Как видим, авторы «Основ» создали документ, целиком и полностью соответствующий одной из главных задач русского движения. Правда, они замахваются даже на большее: консолидировать на базе русской культуры не только все субэтносы русского этноса (нам-то этого было бы вполне достаточно), но и все российские этносы вообще. Они акцентируют: «При проведении государственной культурной политики приоритет должен отдаваться подчеркиванию культурного единства народов России, а не различий национальных культур». Что из этого выйдет, я тут не сужу, но сам принцип вызывает понимание и симпатию, поскольку подобное культурное единство способна обеспечить в нашей стране только собственно русская культура, никакая другая.

Итак, перед нами — великий зачин. Во что он разовьется — вскоре будет видно. Пока что нам демонстрируют похвальную решимость государства взять на себя, наконец-то, величайшую ответственность за сохранение нашей — русской — национально-культурной идентичности.

Что ж, она, бесспорно, нуждается в защите как от разрушительных веяний с Запада, так и от внутренней червоточины.

Авгиевы конюшни отечественной культуры за четверть века преисполнились нечистотами сверх всякой меры. Работы по их очистке предстоят немалые. Хватит с нас разрушительных «культурных революций» а-ля Швыдкой, всеми силами пытавшихся перелицевать нашу внутреннюю сущность на новый манер. Хватит с нас чужеродных вариантов «России на экспорт» а-ля Константин Эрнст — вроде того, каким порадовали публику организаторы сочинской Олимпиады, когда все художественное достояние России оказалось сосредоточенным в трех одиозных именах: Малевич, Кандинский, Шагал. (И это — лицо нашей Родины?!) Хватит экспериментов с русским языком, который мало того что из живого, сложного, полнокровного всячески норовят превратить в простенький, зато удобный для всех язык межнационального общения, но еще и пытаются навесить ему ярлык не русского, а «русского» языка. (Экспериментальный учебник с таким названием уже выпустили третьесортные политики — Алла Гербер, Светлана Ганнушкина и Николай Сванидзе.) А когда поэт Дмитрий Быков, преподающий литературу в школе, заявил с телеэкрана на всю страну, что «Капитанская дочка» Пушкина ничего-де не дает детям, я подумал, что хватит с нас таких преподавателей, неспособных разглядеть в великой повести краеугольный камень русской нравственности.

Итак, пожелаю новым гераклам ума сил и воли для инженерного решения поставленной проблемы — столь же остроумного и верного, какое нашел их предшественник, повернувший воды ближайших рек, чтобы промыть пресловутые конюшни. Уверен, что есть еще в России русская ин-

У большинства национальные различия в культуре проявляются именно в том, как они исполняют те или иные функции. К примеру, в Китае с давних пор широко использовалась туалетная бумага. Между тем в Стамбуле в немыслимо роскошном дворце турецких султанов – Топкапы – туалет великого владыки (на фото) представлял собой обычную продолговатую дыру в цементном полу относительно небольшого помещения, правда, снабженную смесителем для воды с золотыми кранами для подмывания.

теллигенция, способная, как те реки, откликнуться на поставленную задачу.

Я же со своей стороны хотел бы поделиться соображениями культуролога и коллекционера, накопившимися за долгую жизнь, чтобы подсказать этим гераклам хоть что-нибудь практически полезное.

О диалектике культуры

Сложный феномен культуры располагает собственным набором диалектических противоречий. «Есть культура и культура», — повторим мы не раз, пытаясь разобраться в этом феномене. Таких противоречий (оппозиций) я на-

считываю пять. Скажу о них подробнее, чтобы конкретизировать все те задачи, о которых говорилось выше.

Оппозиция 1. Культура глобальная (общечеловеческая) и национальная. Никто в целом свете никогда не видел «в натуре» таких абстракций, как человек и человечество. Это фиктивные понятия. Тем не менее, поскольку набор функций человека на всех широтах и во все времена более или менее одинаков, философы на этом основании говорят о человеке вообще (общечеловеке) и о человечестве. Предполагается, что любой здоровый нормальный человек характеризуется набором определенных физиологических отправления, а также способен исполнять и некоторые высшие функции (вера, любовь, познание, творчество, мечты и прогнозы на будущее и др.). Все эти функции несут в себе как общее, так и особенное. Сумма общего образует культуру в глобальном смысле слова, сумма особенного — национальную, локальную культуру. То есть национальная культура — это в основном не «что делаем» (ибо исключения из общего правила редки), а «как делаем».

Спору нет, исключения из «что делаем» бывают очень яркими, значительными и выразительными: например, культ смерти и самоубийства у некоторых народов или уникальная вера в свою религиозную и национальную исключительность у евреев («вот народ, живет отдельно и среди народов не числится», — недаром говорят они о себе) и т.д.

Однако далеко не все народы могут похвалиться такими яркими особенностями своего поведения. У большинства национальные различия в культуре проявляются именно в том, как они исполняют те или иные функции. К примеру, в Китае с давних пор ши-

роко использовалась туалетная бумага. Сохранилось письмо VI века, в котором ученый Ян Чжитуй уговаривает своих домашних: «Я просил бы не использовать для туалетных нужд бумагу, на которой начертаны имена мудрецов». А в 1393 году только для императорского двора было заказано 750 тысяч листов туалетной бумаги высшего качества форматом с газетный лист. Между тем в Стамбуле в немыслимо роскошном дворце турецких султанов — Топкапы — туалет великого владыки представлял собой обычную продолговатую дыру в цементном полу относительно небольшого помещения, правда, снабженную смесителем для воды с золотыми кранами для подмывания. О многом также говорит изготовление китайцами фарфоровой посуды еще в то время (VII век), когда весь мир довольствовался в лучшем случае металлом, а то и простой глиной или деревом. То есть все люди поглощают пищу, испражняются и пр., но техническое обеспечение этих функций у разных народов традиционно разное. За ним стоит различие культур, которое мы постигаем путем сравнения. Это различие отражает самые исконные глубины национального своеобразия и проявляется не только в инженерных решениях, в технологиях (в том числе ноу-хау, как бумага или фарфор), но и в принципах и приоритетах всей эстетики. А тут диапазон предельно широк — от выбора материала до композиции и декора в зависимости от религии, мифологии и фольклора (допустим, в сюжетах росписи или вышивки) и т.д. Ставка на наше национальное своеобразие, на аутентичность, расстыковка с Европой, внесенная самой историей в повестку дня, предполагает культивирование всех по-

добных отличий: не только придание им витринно-экспортного смысла («матрешки-балалайки»), но и закрепление в быту, для себя. Если глобализация предполагает унификацию всех жизненных процессов, подгонку их под некие единые стандарты, то противоречащая ей национализация должна действовать в обратном направлении. Причем во всех сферах одновременно и параллельно — от русской кухни до церковной архитектуры, от фресок на стенах зданий до миниатюры на мамонтовой кости.

С этой точки зрения, кстати, русские народные промыслы — расписная лаковая посуда и мебель (Холуй, Хохлома, Палех), павловопосадские платки, жостовские подносы, лицевое шитье, резьба по дереву и камню, мелкая пластика и другие виды прикладного искусства — суть бесценный естественный источник нашей культурной идентичности, причем легко возобновляемый при минимальной государственной поддержке. Сегодня народные промыслы крайне нуждаются в подобной поддержке, деградируют без нее (к примеру, павловопосадские платки резко потеряли качество с удешевлением и примитивизацией технологии изготовления).

Задача воспроизводства национальной культуры в эпоху глобализации не проста и, конечно, не сводится к поддержке народных промыслов. Но она решаема. Для этого необходима первоочередная реализация двух целей:

- создание такого господствующего класса (политэкономической и военной элиты), который сочетал бы в себе отчетливое национальное мышление с высокими эстетическими запросами;
- воспитание художественной элиты, национальной по духу, но высококвалифици-

рованной в плане мастерства, ремесла.

Этим двум целям лучше всего соответствует если не полная автаркия, то максимальная изоляция страны. Идеальный пример — Япония, которая самоизолировалась при сёгунах Токугава без малого на триста лет. И затем, предельно выварившись в собственном соку и превратившись в глубочайше национальное и традиционное общество, явилась миру в ходе революции Мэйдзи как страна, способная придать японское национальное своеобразие любому мировому достижению, любому продукту. Япония, пройдя через автаркию, стала предельно самобытным национальным государством, что не помешало ей встать на один уровень с самыми развитыми странами мира. Особенно должен подчеркнуть, что именно в годы изоляции в Японии вызрели оба вида специфически японского искусства, до сих пор служащие визитной карточкой страны и нации: цветная гравюра школы Укиё-Э, а также нэцке. Хотя изобретение первообразов и того и другого принадлежит, конечно же, китайцам, но именно трехсотлетняя замкнутость помогла японским художникам достичь в каждом из них величайшего сосредоточения духовных сил и этнического своеобразия своего народа.

Не могу не добавить, что вынужденная изоляция русских от внешнего мира в четверть тысячелетия при татарском иге также способствовала русскому духовному сосредоточению, отразившемуся как в литературе, так и в архитектуре и живописи. Именно в результате этой относительной замкнутости (татары контролировали как границы, так и внешние связи Руси) русские и стали своеобразным народом, не принадлежащим ни Западу, ни Востоку.

Наконец, напомним в связи со сказанным давно известное: интерес представляют и внимания достойны именно и только самородные национальные культуры, а вовсе не воображаемая культура «глобального человека» по Зиновьеву. Как никому не нужен и не интересен «человек вообще» — вместо конкретных друзей, родных и близких или даже любимых героев книг.

Оппозиция 2. Культура и цивилизация. Широко известная оппозиция, подробно останавливаясь на ней вряд ли имеет смысл. Она отчасти пересекается по смыслу с оппозицией 1, поскольку зачастую цивилизация осмысливается как сфера технократического обслуживания биологических функций человека, в то время как собственно культура устремлена к духовным функциям, привязана к ним. Поэтому считается, что цивилизация по самой своей природе тяготеет к глобальному универсализму, в то время как культура более национально-консервативна.

На самом деле это вряд ли так.

Во-первых, не всегда можно провести четкую границу, где кончается национальная цивилизация и начинается национальная культура, настолько все пронизано общими представлениями, канонами изящного, общей мифологией и т.д.

Во-вторых, если европейские писатели с унитазом сегодня прочно завоевали Индию, Турцию, Среднюю Азию и Китай, то и в духовной сфере произошла не менее выразительная европеизация, что особенно хорошо видно на примере новых литератур (Африка, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка). Комплекс тотальной зависимости от европейских образцов причудливо сочетается в них со стремлением преодолеть его за

счет сугубой национальной экзотики, но в результате вторичность только сильнее выпирает из текста (взять хотя бы покойного Габриэля Гарсиа Маркеса).

Для нас, русских, история стремительного, бурного и глубокого «объевропеивания» нашей словесности в XVIII веке очень наглядно слита с переходом на западные военные и индустриальные технологии, западный образ жизни и быта. При этом, конечно, нельзя отрицать, что роль локомотива в процессе тотальной вестернизации русской жизни сыграла именно цивилизация, но ведь и диалектическую взаимосвязь цивилизации и культуры, катализирующую процесс, тоже никак нельзя отрицать!

Сказанное означает, что процесс «разъевропеивания» имеет, увы, свои границы, связанные в первую очередь с понятиями быта и комфорта. Нравится нам это или нет, но данные цивилизационные символы имеют для нынешнего класса-гегемона — интеллигенции — свою культурную проекцию, посягать на которую опасно, ибо можно вызвать обратный эффект.

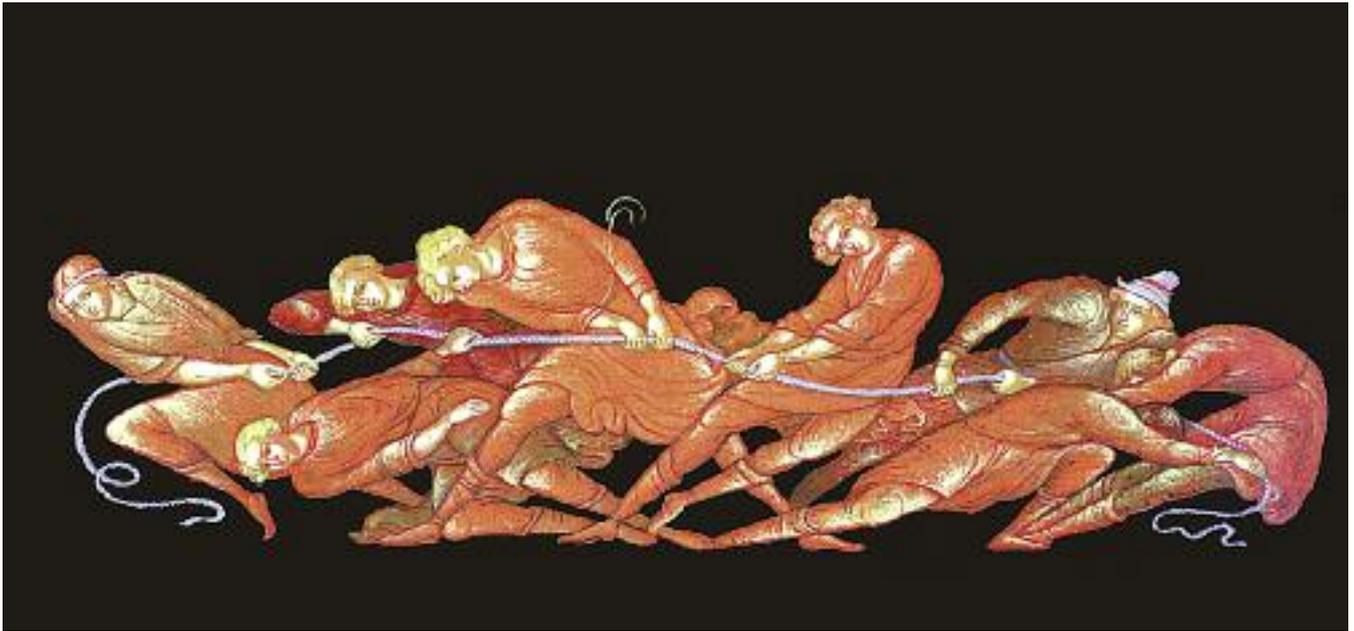
Итак, остается большой вопрос: как сохранить Россию в сфере европейской технократической цивилизации (что очевидно необходимо в видах военных, индустриальных и чисто бытовых) и при этом вывести ее из европоцентричной системы духовных ценностей — эстетических, политических, моральных?

Это, безусловно, возможно, но надо, во-первых и прежде всего, четко осознать и поставить такую цель. И двигаться к ней последовательно и неуклонно. А во-вторых, придется осознанно взять в помощники саму Европу, которая сумела за сто последних лет так основательно предать самой себя и все свои тради-

ционные основы и ценности, так вывернуться наизнанку, что превратилась в собственную культурную противоположность. И теперь необходимость отслоить ее технические достижения от ее морально-политических и культурных провалов столь же очевидна, как необходимость усвоить первые и отбросить прочь вторые. Не смущаясь тем, что свои провалы Европа подает ныне как достижения, а свои язвы — как украшения. Радует, что в Кремле, долгое время бездумно и безоглядно выполнявшем роль обервестернизатора, возникло, наконец, понимание всего сказанного. Прочитав министра культуры Владимира Мединского: «В ценностном плане Запад превращается сейчас в свою противоположность, и Россия вынуждена культурно защищаться от “Анти-Европы”, чтобы хотя бы у себя сохранить Шекспира без педофилии и “Маленького принца” без гомосексуальной “пластики”». Пусть легковесно, зато в самую точку!

Стать сегодня антиевропейцем, чтобы остаться русским европейцем, — это правильное, глубоко диалектическое решение, зрелый и мужественный выбор. И по правде говоря, он не впервые встает перед русским человеком. Наши либералы не любят вспоминать об этом, но их предшественники середины XIX века, вырвавшись на просторы «свободной Европы», очень быстро испытали разочарование, уловив в начальной стадии тот дух самопредательства, который сегодня стал разящим смрадом.

И вот уже Иван Карамзев говорит брату пророческие слова: «Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище... вот что!.. Дорогие там лежат покойники, каждый камень под ними гла-

сит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище, и никак не более».

В письме к Белинскому его старый друг Боткин пишет: «Недаром кричат Шевырев и “Маяк”, что Европа находится в гниении; это действительно так — старые институты семьи, собственности и общества получают со всех сторон удары». «Внимательное созерцание Европы, — читаем в другом письме Боткина, — действительно представляет гниение и распад всего старого порядка».

Проживший значительную часть своей жизни в Европе, но оставшийся при этом русским патриотом, Тургенев пронизательно подмечает: «Нельзя быть либеральным человеком в Европе, не будучи врагом России. Либерализм и благорасположенность к славянам — понятия несовместимые».

Не станем здесь опираться на хрестоматийное сочинение

Русские народные промыслы – расписная лаковая посуда и мебель (Холуй, Хохлома, Палех), павловопосадские платки, жостовские подносы, лицевое шитье, резьба по дереву и камню, мелкая пластика и другие виды прикладного искусства – суть бесценный естественный источник нашей культурной идентичности, причем легко возобновляемый при минимальной государственной поддержке.

Данилевского «Россия и Европа», в котором он прямо обосновывал извечную и непроборимую вражду двух великих социумов – европейского и русского. Возьмем более удивительный пример. Самый известный из русских западников – Герцен – ехал за рубеж с верой в Европу, в благотворное влияние политической свободы. Но первые же его заграничные впечатления были очень тяжелы, они дышали разочарованием. Вместо былого энтузиазма в нем нарастают раздражение, горечь, обида, и в первых же письмах из Франции он горько жалуется, что «мелкая, грязная среда мещанства, как тина, покрывает своей зеленью всю Францию». Вскоре Герцен напишет удивительную книгу «С того берега», которую Анненков охарактеризовал как «самое пессимистическое созерцание западного развития». А в июне 1848

года в Париже, став свидетелем неудачи социального переворота, Герцен с ужасной силой убедился в утопичности и беспочвенности своих мечтаний. Он никогда уже не смог оправиться от этого удара и из убежденного западника постепенно превратился в страстного антизападника. Герцен заглянул в самое сердце современной ему Европы – и был потрясен: «Современное поколение имеет одного Бога – капитал – и не имеет богов разве его. Наше время – эпоха восходящего мещанства и эпоха его тучного преуспевания». «В тиранстве без тиранний, — читаем мы у него, — есть что-то отвратительнейшее, нежели в царской власти. Там знаешь, кого ненавидеть, а тут анонимное общество политических шулеров и биржевых торгашей, опирающееся на общественный разврат, на сочувствие мещан, опирающееся на полицейских пи-

Владимир Минаев. Иван Карамазов и Алеша. 1970–1971 годы

И вот уже Иван Карамазов говорит брату пророческие слова: «Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище... вот что!.. Дорогие там лежат покойники, каждый камень под ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними – в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище, и никак не более».

ратов и на армейских кондотьеров, душит без увлечения, гнетет без веры, из-за денег, из страха».

Разочарование Герцена простирается даже до святая святых – до самых основ европей-

ской демократии: «Европа ныне догадалась, – пишет он, – что представительная система – хитро придуманное средство перегонять в слова и бесконечные споры общественные потребности и энер-

гическую способность действовать». «В демократии, – замечает писатель, – страшная мощь разрушения, но когда примется она создавать, она теряется в ученических опытах, в политических этюдах. <...> Действительного творчества в демократии нет».

История – бесценная сокровищница опыта, заглядывать бы в нее почаще...

Оппозиция 3. Двойственность культуры, культурология и этнография. Есть культура как объект интересов профессиональных культурологов – филологов, искусствоведов, эстетиков. И есть культура как объект интересов этнографов. Эти две «культуры» имеют очень разное содержание и практически не пересекаются за очень редким исключением. Условно говоря, пушкинистика не входит в сферу исследований этнографов-русистов, а изучение русского народного костюма и быта лежит за пределами внимания филологов и искусствоведов, занимающихся «золотым веком» русского искусства – веком Пушкина и Толстого.

То, что обсуждалось нами в первом пункте, – это, конечно, сфера этнографическая. Ну, а в данном случае мы имеем дело уже с другого рода оппозицией, связанной не с противостоянием глобального и национального, а с социальным противостоянием. Я не поклонник творчества Ульянова-Ленина в целом, но его теорию «о двух нациях в каждой нации и двух национальных культурах в каждой национальной культуре» (есть нация и культура эксплуататоров – и эксплуатируемых) принимаю безоговорочно, убежденный в ее совершенной правоте.

По сути дела, история культуры в том объеме, как она преподается в университетах всего мира, – это летопись эстетических предпочтений гос-

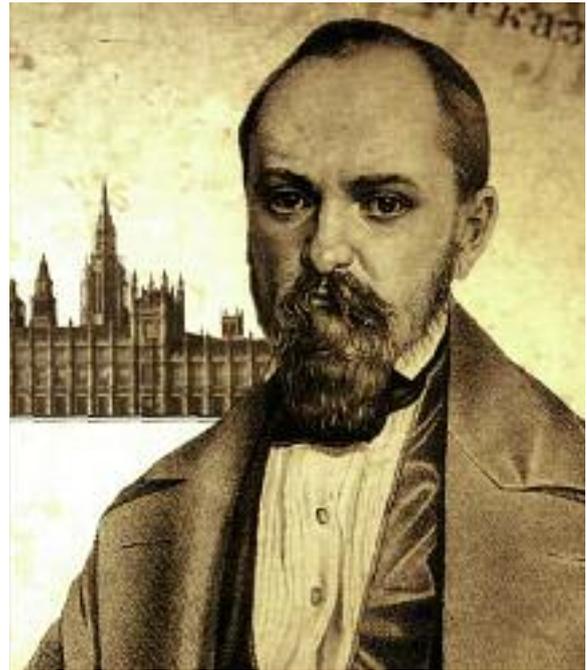
подствующих классов (эксплуататоров, в марксистско-ленинской терминологии), заставлявших и оплачивавших работу художников, литераторов, издателей (а через них опять-таки поэтов и писателей), архитекторов, скульпторов, разного рода дизайнеров. Высшие образцы культуры прошлых веков созданы, как правило, по заказу высших каст жрецов и правителей, как бы они ни назывались. Все это — история художественного вкуса высших классов и сословий. В том числе в России начиная с XVIII века.

При этом история народной культуры (культуры так называемого простого народа, людей физического труда) в такие курсы истории культуры не входит, как не входит она и в общеобразовательный стандарт, оставаясь достоянием узких специалистов.

Между тем характерная особенность истории собственно русского искусства в том, что, несмотря на наличие классов и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, русские были культурно едины вплоть до петровских реформ — вопреки Ленину. И их культура, будучи явлением ярко этнографическим, была в то же время образцом истинной культуры, необыкновенно увлекательной для искусствоведа самого высокого уровня. Что и запечатлелось в двухсотлетнем периоде, который я именую «подлинным золотым веком» русского искусства.

Почему подлинным? Дело в том, что «золотым веком» русского искусства называют обычно век Пушкина и Толстого, Брюллова и Иванова, Вороникина, Казакова и Тона, Глинки и Чайковского, то есть первые три четверти XIX века. «Золотым» его зовут по праву, это бесспорно. Только вот русским ли он был, этот век? Ев-

ропейское влияние, европейские каноны в литературе, архитектуре, музыке, живописи этого периода слишком очевидны. Русские поэты, писатели, художники, музыканты и архитекторы состязались в мастерстве прежде всего с западноевропейскими коллегами, у них черпая образцы для подражания и учась у них. И при этом свои достижения сопоставляли с европейскими. Но в истории русского искусства был другой «золотой век» — век расцвета именно русских национальных начал в живописи, архитектуре, прикладном искусстве и словесности. Это — XVI-XVII столетия, когда мы уже отбросили визан-

Герцен заглянул в самое сердце современной ему Европы — и был потрясен: «Современное поколение имеет одного Бога — капитал — и не имеет богов разве его. Наше время — эпоха восходящего мещанства и эпоха его тучного преуспевания <...> тут анонимное общество политических шулеров и биржевых торгашей, опирающееся на общественный разврат, на сочувствие мещан, опирающееся на полицейских пиратов и на армейских кондотьеров, душит без увлечения, гнетет без веры, из-за денег, из страха».

тийский канон, долгое время все определявший в творчестве наших мастеров, но еще не приняли канон западноевропейский, не подчинились ему. Именно в это время пыльным цветом расцветает настоящий, соприродный русскому человеку стиль. Стиль яркий, необыкновенный до фантастичности, нарядный, жизнеутверждающий, праздничный, «пряничный», веселый и пышный. Истинно «вертоград многоцветный», устремленный к небу своими шатровыми колокольнями не менее, чем западная готика — своими шпилями. Но совсем другой, иной, разительно отличающий нас от европейцев. Опорные столпы этого стиля — церковь Вознесения в Коломенском, собор Василия Блаженного, Новодевичий и Ново-Иерусалимский мона-

стырь, церковь Григория Нокесарийского на Полянке, произведения нарышкинского и голицынского барокко, ярославская и костромская икона, школа Оружейной палаты... Этот стиль проявился во всех ремеслах и искусствах: в храмах, дворцах и теремах, в иконах и парсунах, в дорогом оружии и посуде, украшениях, в платье русской знати и русской армии, в книжном оформлении и т.д. Характерная особенность этого периода — яркий восточный (а никак не западный!) колорит, который, как выясняется, глубоко соприроден истинно русской душе. Неслучайно профессиональный путешественник, европеец до мозга костей маркиз Астольф де Кюстин при виде храма Василия Блаженного не сдержался: «Страна, где подобное соору-

жение называется домом молитвы, — это Индия, Персия, Китай, и люди, которые приходят поклоняться Богу в эту банку с вареньем, вовсе не христиане». Восточные эстетические принципы доминируют в русской культуре этого периода слишком явно, во всем. Это выражается прежде всего в предпочтении русскими людьми вполне определенных эталонов вкуса: русские цари восседали на тронах, изготовленных в Турции, Персии, Индии, русская знать и иерархи церкви предпочитали одеваться в индийские, турецкие, персидские, арабские ткани, пользоваться сирийским, турецким, персидским оружием и ювелирными украшениями, использовать персидские изразцы в отделке храмов и домов и т.д., и т.п. По этим образцам старались работать и русские мастера. Желающие могут сами в том убедиться, посетив хотя бы Оружейную палату.

Вместе с тем для русских людей всегда было очевидно и несомненно, что именно культура данного периода есть подлинно русская культура, выражающая все глубины и извивы русской души. А петровская вестернизация была лишь временным отступлением от этой культуры, калечащим русскую душу. Поэтому когда в правление царя Александра III, самого русского из всех послепетровских Романовых, в России расцветает стиль так называемого историзма, архитекторы и художники обращаются к образцам именно тех лет — от Ивана Грозного до Петра I, — чтобы воскресить для современников исконно русское начало в эстетике, возродить истинно русский дух. Архитектурными памятниками этого стиля стали храм Спаса на крови в Петербурге, Никольский собор в Ницце, здания Исторического музея и Московской думы, дом купца

Игумнова на Якиманке (ныне французское посольство) и др. А художники-иллюстраторы, работавшие над русскими сказками и русской исторической темой? Они тоже обратились именно к этому периоду (Билибин и др.). Как и русский театр, опера («Хованщина», «Царь Федор Иоаннович» и др.). Как и ювелиры — Хлебников, Овчинников, Сазиков и др. И даже императорский двор затеял и осуществил знаменитый придворный бал 1903 года, на который вся царская родня и избранная публика собралась в костюмах XVI-XVII веков. Это был точно рассчитанный политический ход, он должен был вновь приблизить двор к народу (фотографии широко распространялись), преодолев разрыв «двух культур».

Почему я посчитал нужным рассказать обо всем этом?

Потому что, коль скоро мы ставим задачу сосредоточиться на русских культурных началах, на русских истоках и корнях, да притом еще в актуальном контексте этической и эстетической расстыковки с Европой, то более благодатного материала, чтобы сделать это, просто и вообразить себе невозможно. Этот козырь нам сдала сама история. Грамотно разыграв его, мы на абсолютно научном фундаменте воскресим в русской душе дремлющие архетипы — и добьемся своего.

Пусть недалекий западник, сгоряча вообразивший, что русские и европейцы суть одно и то же, мысленно поставит всего два-три здания «со стороны» Запада. Допустим, Нотр-Дам де Пари, Вестминстерское аббатство и Страсбургский собор. А рядом — два-три здания «со стороны» Руси. Скажем, церковь Вознесения в Коломенском, храм Василия Блаженного и Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря. И тог-

да колоссальная духовная пропасть, обозначающая наши врожденные и неизбежные ментальные различия, станет совершенно очевидна даже слепорожденному.

Быть европеоидом еще не значит быть европейцем! Мы — не европейцы, европейцы — не мы. Я мог бы очень много еще аргументов привести в пользу этого тезиса (некоторые из них найдутся в моей книге «Битва цивилизаций: секрет победы»), но ограничусь пока этим, наиболее наглядным.

Оппозиция 4. «О двух нациях в каждой нации и двух национальных культурах в каждой национальной культуре». Вернемся к ленинскому тезису, но... с неожиданной для вождя мирового пролетариата стороны.

Нельзя не признать, что все лучшие, хрестоматийные достижения культуры начиная с эпохи рабовладения и до Первой мировой войны принадлежат именно классу господ. По крайней мере как заказчику, если не всегда как исполнителю. Так сложилось исторически, и нам следует склониться перед той высшей закономерностью человеческого общества, что культура долгое время следует за деньгами и властью, прежде чем власть и деньги начинают проникаться и мотивироваться культурой. Без высокопоставленных, богатых и просвещенных заказчиков и меценатов имели бы люди то мощное культурное наследие, что имеют ныне? Конечно, нет.

Сегодня Россия переживает очень трудный в этом смысле период. Мне легко судить об этом, поскольку я еще застал самый расцвет советского коллекционерства (с 1988 года имею членский билет Клуба коллекционеров Советского фонда культуры) и хорошо помню, что собою представляла элита этого замкнутого мира. Там были в основном интел-

Ново-Иерусалимский монастырь

лигенты, не обладавшие какими-то большими деньгами, но имевшие огромные познания в избранных отраслях искусства и страстно влюбленные в предмет своего собирательства. За счет чего и составляли коллекции — порой феноменальные, мирового уровня. Эти люди почти все поумирали на моих глазах, некоторые покинули Россию, остались считанные единицы, такие как Илья Глазунов, Михаил Перченко, Валерий Дудаков и некоторые другие. Коллекционеры как небольшое численно, но отборное сообщество неподражаемых личностей, посвятивших жизнь обожанию искусства, почти исчезли, антикварный рынок в замешательстве влачит существование. В наши дни подобный набор человеческих качеств практически не встре-

В истории русского искусства был другой «золотой век» — век расцвета именно русских национальных начал в живописи, архитектуре, прикладном искусстве и словесности. Это — XVI-XVII столетия, когда мы уже отбросили византийский канон, долгое время все определявший в творчестве наших мастеров, но еще не приняли канон западноевропейский, не подчинились ему. Именно в это время пышным цветом расцветает настоящий, соприродный русскому человеку стиль.

чается, произошло расслоение: деньги на одном полюсе, знания и страсть на другом. Сегодня, чтобы стать коллекционером, собрать выдающийся комплект произведений искусства, достаточно просто иметь много денег, чтобы нанять комплектатора-эксперта — человека со вкусом и специальными познаниями. Некоторые банкиры и просто богатые люди так и делают, и мы их тоже знаем (впрочем, сообществом, сословием их не назовешь).

Но для того чтобы не просто собрать коллекцию старого искусства, а послужить локомотивом развития нового, мало иметь деньги. Чтобы стать Третьяковым наших дней, чтобы угадать — а лучше сформировать! — художественный мейнстрим будущих дней, надо воспитать в себе великий вкус и понимание. А уж если мы говорим о создании будущего национального русского искусства, то меценат должен, согласитесь, и сам быть глубоко русским человеком. Что-то

пока таких у нас маловато. Эта тема отчасти затрагивалась в первом пункте. И теперь мне хотелось бы сказать, что воспитание русского духа (в чем самым серьезным образом должна быть задействована вся наша будущая элита — как со стороны заказчика культуры, так и со стороны ее творца) начинается с младых ногтей. Понятно, что ни к будущим меценатам, ни к будущим художникам не приставишь к каждому свою Арину Родионовну с русскими сказками, песнями и былинами. Но эту роль обязана принять на себя школа, в которой к числу наиболее важных дисциплин должны быть причислены пение и рисование, ибо именно на них держится национальная традиция, они закладывают национальную матрицу в душу ребенка. Или не закладывают — у нас сегодня, увы. Посещая ныне Русский музей — эту величайшую сокровищницу русского искусства, транслирующую русский дух в поколения наших людей, — нельзя не вспомнить, что его основу заложил Александр III, чьим учителем рисования был замечательный русский пейзажист, внук писателя Радищева, великий педагог Алексей Боголюбов. Именно правильное эстетическое воспитание заставило впоследствии царя соперничать с Третьяковым, перебивая у московского купца картины талантливых русских художников.

Не всякий окончивший школу станет коллекционером, меценатом или художником, но каждый должен получить такую возможность, воспитавшись на народной русской традиции в музыке и изобразительном искусстве. Это должно быть основой, базой, матрицей. Впоследствии, поступив, скажем, в Художественную академию или иной вуз, студент познакомится с высшими достижениями мирово-

го искусства, научится понимать и ценить специфику других национальных искусств, еще более разовьет свой вкус. Но матрица — матрица должна быть своя, родная, русская! Следует также понимать: государство не всемогуще, но его возможности многократно возрастут, если оно обопрется на общественные организации, на энтузиастов культуры, какими были в свое время ВООПИК или общество «Знание». В них надо вдохнуть новую жизнь, и пусть культура пойдет к людям, если люди не очень-то пока к ней тянутся сами, задавленные бытом, элементарным выживанием.

Огромную роль в национальном культурном воспитании играло в свое время и должно еще сыграть не только телевидение, но и радио, на котором должны целенаправленно работать программы пропаганды русской музыкальной традиции.

Наконец, совершенно необходимо развязать руки частной инициативе. Нам экстренно нужно законодательство о меценатстве, которое позволит богатым людям жертвовать значительные средства с выгодой для себя — почему нет? — на пополнение государственных музеев, на создание частных коллекций, на воспитание и образование новых поколений художников и т.д.

И еще. Сегодня, когда переполненный антиквариатом Запад трясет один экономический кризис за другим, вытрясая на продажу из частных и государственных запасников настоящие художественные шедевры по демпинговым ценам, богатейшая Россия должна покупать, покупать и покупать, вкладывать в культурные ценности каждую лишнюю копейку, как это делали цари. Ибо ничем себя так не прославит власть в веках, как подобными приобретениями. Между тем сегодня

ни музеи сами по себе не располагают у нас такими возможностями, ни наше Министерство культуры не проводит активной закупочной политики за рубежом. А зря...

Оппозиция 5. Эстетизм и масскульт. Я — прожженный, зяблый эстет и горжусь этим. Меня тошнит от любого проявления массовой культуры, я ее непримиримый враг. Как личную величайшую трагедию я вспоминаю 1960-е годы, когда на нашу страну обрушилось нашествие всевозможных «битлов» (так я обобщенно именую адептов масскультуры). Обрушилось во всех сферах изящного — в музыке, в градостроительстве, в изобразительном и прикладном искусстве, в моде.

Они вторглись, как гунны на Рим, похоронив (временно, надеюсь) как мировую высокую культуру вообще, так и особенно безжалостно русскую национальную культуру в частности. Эта катастрофа коснулась меня не только как эстета, но и как гитариста-семиструнщика, собирателя и исполнителя русских и цыганских романсов и песен. «Семиструнка» («О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная!») — специфически русский этнический инструмент, на котором в моем детстве играли все вокруг — от мальчишек в подворотнях до Высоцкого, Окуджавы, Галича, Визбора, Кима и всех прочих. Но с приходом «битлов» все словно пошло с ума: «семиструнка» оказалась на помойке, а с ее уходом сменился репертуар, тон, стиль, дух исполнения. Он ощутимо утратил русскость — это очевидно для тренированного уха.

Я прекрасно понимаю, что причина торжества масскультуры глубока. Она вполне адекватно описана Ортегой-и-Гассетом в его знаменитом труде «Восстание масс». Миллионы, миллиарды людей, кото-

Дом купца Игуменова на Большой Якиманке. Фото 1902 года

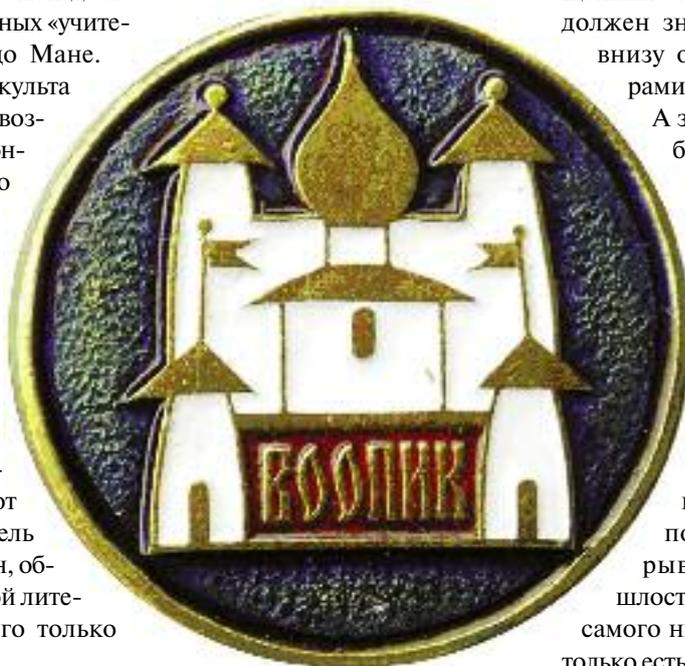
рые ранее не имели ни доступа к культурным ценностям, ни досуга для их освоения и понимания, ни средств для самовыражения в культуре через ее заказ или производство, ни способа оценить со своей стороны произведения культуры, вдруг вышли, вывалились, выкатились на историческую арену. И внезапно оказалось, что все высокое и лучшее искусство прошлых веков — искусство господствующих классов — внутренне глубоко чуждо этим миллионам и миллиардам, несет на себе проклятие их классовой ненависти. Несет в себе генетическую память об эксплуатации, неравенстве,

Петровская вестернизация была лишь временным отступлением от этой культуры, калечащим русскую душу. Поэтому когда в правление царя Александра III, самого русского из всех послепетровских Романовых, в России расцветает стиль так называемого историзма, архитекторы и художники обращаются к образцам именно тех лет — от Ивана Грозного до Петра I, — чтобы воскресить для современников исконно русское начало в эстетике, возродить истинно русский дух.

угнетении. Потомок крепостных крестьян или пролетариев испытывает внутреннее сопротивление, читая сугубо дворянскую русскую прозу, которую ему еще и почти насильно «втюхивают» в школе, или созерцая внутренне чуждые ему образы в музеях, где нельзя получить «никакого

удовольствия, кроме эстетического». «Война и мир», «Евгений Онегин», «Незнакомка» Блока оскорбляют его внутренний мир, заставляя уважать и понимать героев, которые «с жиру бесятся». Ничего удивительного. Именно этим объясняется тот бешеный успех, который не-

изменно выпадает на долю всего того, что разрушает традицию в глазах «восставших масс» — будь то авангардисты XX века со своей главной иконой — «Черным квадратом» Малевича, будь то Пабло Пикассо, жестоко, злобно, извращенно пародировавший своих недосягаемых и ненавистных «учителей» — от Гойи до Мане. Или пророк масскульта Энди Уорхол, превознесший рекламу консервированного супа как перл творчества. Или Михаил Шемякин, превращающий в мерзкий гротеск образы русской классики. Или великий пролетарский — по-настоящему, в отличие от Горького, — писатель Владимир Сорокин, обгадивший в русской литературе все, до чего только смог дотянуться.

Государство не всемогуще, но его возможности многократно возрастут, если оно обопрется на общественные организации, на энтузиастов культуры, какими были в свое время ВОПИК или общество «Знание». В них надо вдохнуть новую жизнь, и пусть культура пойдет к людям, если люди не очень-то пока к ней тянутся сами, задавленные бытом, элементарным выживанием.

Именно этим объясняется и то, что оплотом подобной разрушительной ненависти, форпостом масскульта являются Соединенные Штаты Америки — страна, где поистине осуществилась заветная мечта Карла Маркса о воссоединении пролетариев всех стран. Ведь аристократы в Новый Свет не ехали, им и в Старом было неплохо. Ехали, напротив, те, которым со Старым Светом (и с аристократией) было не по пути. Которые радостно отряхивали со своих ног прах старого мира вообще. (Помните «Марсельезу»: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших

ног».) Они ехали в Америку, вывозя с собою жажду социального реванша и этот безумный пафос отрицания всей прошлой истории, стремление вывернуть ее наизнанку. Они, эти пролетарии и мизерабли всех стран, таки соеди-

стоинством, что как и всегда, как и многие тысячи лет подряд, высшее искусство и высшие критерии в культуре — это искусство и критерии верхних общественных каст — жречества и аристократии. Искусство и критерии просвещенных элит. И что масскульт должен знать свое место — внизу общественной пирамиды.

А затем от нас потребуются широчайшая «культурная контрреволюция» (аллюзия на передачу Швыдкого неслучайна), в том числе перестройка всей работы телевидения. В первую очередь — Первого канала, основного поставщика непрерывного потока пошлости, глупости и всего самого низкопробного, что только есть в российском эфире.

Будет трудно. Когда из уст премьера Медведева я слышу повествование о том, как глубоко перепыхало его в юности творчество, прости господи, *Deep Purple* — не Чайковский с Бородиным, не Мусоргский с Римским-Корсаковым, — я понимаю, как глубоко проникла в наше общество болезнь. Но отчаиваться не надо, все поправимо. Мы (я имею в виду Русское государство, в направлении которого неудержимо развивается ситуация) не можем и не должны отказываться от воспитывающей роли всех наших СМИ, электронных прежде всего. Не потакать низменным инстинктам и вкусам широких масс, а воспитывать в них человеческое — наша задача. Но для этого из СМИ должен быть изгнан низкий дух торгашества, а значит, изгнаны и его носители — адепты меркантилизма.

стоинством, что как и всегда, как и многие тысячи лет подряд, высшее искусство и высшие критерии в культуре — это искусство и критерии верхних общественных каст — жречества и аристократии. Искусство и критерии просвещенных элит. И что масскульт должен знать свое место — внизу общественной пирамиды.

А затем от нас потребуются широчайшая «культурная контрреволюция» (аллюзия на передачу Швыдкого неслучайна), в том числе перестройка всей работы телевидения. В первую очередь — Первого канала, основного поставщика непрерывного потока пошлости, глупости и всего самого низкопробного, что только есть в российском эфире.

Будет трудно. Когда из уст премьера Медведева я слышу повествование о том, как глубоко перепыхало его в юности творчество, прости господи, *Deep Purple* — не Чайковский с Бородиным, не Мусоргский с Римским-Корсаковым, — я понимаю, как глубоко проникла в наше общество болезнь. Но отчаиваться не надо, все поправимо. Мы (я имею в виду Русское государство, в направлении которого неудержимо развивается ситуация) не можем и не должны отказываться от воспитывающей роли всех наших СМИ, электронных прежде всего. Не потакать низменным инстинктам и вкусам широких масс, а воспитывать в них человеческое — наша задача. Но для этого из СМИ должен быть изгнан низкий дух торгашества, а значит, изгнаны и его носители — адепты меркантилизма.

И конечно, раз и навсегда должен быть изжит дух «пустого рабского, слепого подражания» (Грибоедов), паскудными, оскорбляющими русский глаз памятниками которого стали творения Михаила Посохина и его учеников — мерзкие застройки Нью-Йорка в сердце нашей Родины: Дворец съездов в Кремле, Новый Арбат, здание СЭВ и т.п. На новом историческом этапе подобной эпигонской дрянью наполнилась и лужковская Москва. Как можно русским людям полноценно жить с таким чужим лицом?! Как можно долее терпеть собственную наглядную вторичность?! Но и это поправимо: перестроили же безобразную стеклянную громаду «Интуриста», увенчавшую Тверскую, в нечто более или менее соответствующее по стилю историческому центру Москвы.

Контрреволюция навсегда!

Когда в 1991 году рухнула вся налаженная жизнь советского общества, русский народ вновь на долгие годы погрузился во тьму. Ведь государство всегда было не просто главной, а единственной эффективной формой русской самоорганизации, на которую мы привыкли опираться и надеяться. А тут получилось, что государство предало свой народ, демонстративно повернулось к нему спиной. Мало того что фактически, так еще и идеологически, сущностно. «Встала обида», — как сказал древний автор. Русский народ обиделся на предавшее его государство — и в свою очередь отвернулся от него. Потребовалась четверть века, чтобы огромными и самоотверженными, хотя зачастую и незаметными, усилиями миллионов людей, испытывая ежедневное противодействие внешнего и внутреннего врага и немислимые сложности искореженного, ненормаль-

ного быта, шаг за шагом осуществить новый поворот к осмысленному государственному существованию. Не хотелось бы обмануться, но по целому ряду существенных признаков я вижу, что наша жизнь налаживается, что происходит постепенная трансформация невразумительной, межумочной Российской Федерации — в Русское национальное государство. Это результат, как сказал бы Лев Толстой, равнодействия бесчисленных волей народа.

Важнейшие шаги в этом направлении — начавшееся воссоединение разделенной русской нации (Крым — только первая ласточка), предоставление российского гражданства по праву рождения, по принадлежности к коренным народам России, усиление независимости российской внешней и внутренней политики от диктата Запада. И многое другое. Понятно, что такие достижения сами собою не даются, за ними стоит возрастание нашей экономической и военной мощи, об истинных параметрах которого мы вряд ли имеем представление. Еще в начале 2012 года я предположил, что Путин начал русскую национальную антилиберальную контрреволюцию, которую ждал и требовал наш народ. И кажется, я не ошибся.

Но для меня как для человека, посвятившего свою жизнь служению Красоте, важнее всего те изменения, которые происходят в мире Культуры. И я сегодня испытываю прилив оптимизма и воодушевления. Я считаю, что русскому народу (и русской интеллигенции как его гегемону) надо забыть свои обиды на государство и включиться всеми силами в ту созидательную работу, возможность которой сегодня, как кажется, может быть предоставлена.

Однажды такой поворот уже произошел в русской жизни.

Когда после тотального жесточайшего разгрома всех русских основ в ходе большевистской революции и установления советской власти, когда, казалось бы, вся историческая Россия была «убита» (Николай Бердяев) или «вывернута наизнанку, как перчатка» (Зинаида Гиппиус), случилось нечто неожиданное. В начале 1930-х в Кремле появились люди, прозорливо увидевшие необходимость опереться на русский народ в грядущих мировых потрясениях. И тогда русской интеллигенции, русской культуре был протянут всего лишь мизинчик. Но душа нашего народа, истрадавшаяся, почти убитая, истосковавшаяся по рускости, оказалась жива и полна скрытых сил. Она ухватила за этот мизинчик и ответила лавиной книг, фильмов, пьес, опер, лекций, статей и других проектов, возрождавших русское национальное начало. Тысячи и миллионы русских людей всех возрастов и сословий включились в этот процесс из всех сил, от всего сердца.

И случилось чудо — русский народ остался жив и верен себе, русский дух восторжествовал, пришла Великая Победа, и мы, дети этой Победы, выросли русскими людьми на тех самых книгах, статьях и фильмах.

Сегодня нам предстоит повторить этот подвиг наших дедов и отцов. Мы должны не только преодолеть весь тот негатив для нашего культурного бытия, который последовал в результате буржуазно-демократической революции 1991–1993 годов, но и заложить такие основы нашего культурного развития, которые предотвратят подобный негатив в будущем. Вернуться к себе — и быть собой на веки вечные: вот достойная задача, стоящая сегодня перед русской культурой.

26 апреля 2014 года